

ГУМАНИЗМ К. МАРКСА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Пётр Кондрашов

*Кондрашов Пётр Николаевич –
к.ф.н., Свердловская область*

В 2008 году философское сообщество отметило 190-летие со дня рождения одного из величайших мыслителей мировой

философии – *Карла Генриха Маркса*. Но, несмотря на эту внушительную дату, теоретическое наследие Маркса не только не похоронено в академических учебниках по истории философии, но и сегодня вызывает бурные дискуссии. Особенно в современной России, которая снова, вступив в эпоху развития капитализма, попадает в поле исследовательского и политического интереса марксистов, ибо, как известно, главным научным интересом Маркса как раз-то и было развитие капитализма.

Но, как ни странно это звучит, широкое распространение марксизма и неослабевающий интерес к наследию его классиков, тем не менее, на наш взгляд, не означает адекватного понимания этого наследия. Если сегодня провести опрос на тему «Кто такой Маркс?», то мы сможем услышать в основном такие ответы, как *экономист, революционер, политический мыслитель и деятель, коммунист, противник частной собственности, воинствующий атеист, материалист* или уж совсем примитивные, вроде того, что его именем названа улица в нашем городе. Но при этом мало кто обратит внимание на то, что Маркс был, прежде всего, *гуманистически ориентированным философом*. Именно ему, на наш взгляд, удалось создать (правда, только в свернутом, имплицитном виде) весьма интересную философскую антропологию, а на ее основе – свою оригинальную версию *гуманизма*.

Более того, в современном левом движении мало кто связывает критику капитализма с гуманизмом, ибо все больше говорят об экономической или политической составляющей социализма, совершенно упуская из вида, что для Маркса понятие «коммунизма» было связано в первую очередь с вопросом о подлинности человеческого бытия, а проблемы «экспроприации» и «диктатуры пролетариата» оказывались всего лишь средствами уничтожения «всей прежней мерзости», обезчеловечивающей человека, и достижения подлинности общественных отношений, межчеловеческого общения [Verkehr]. Об этом, к сожалению, современные «реальные марксисты» не только позабыли в своей борьбе за власть (ради власти, ибо думается, что коммунисты из КПРФ ни о каком «гуманизме» и не помышляют, для них, как и для либералов, основной целью является получения доступа к материальным ресурсам), но и вовсе не знают обо всех этих фундаментальных идеях Маркса.

В предлагаемой статье мы попытаемся в самом общем виде эксплицировать взаимосвязь между марксовой критикой капитализма и его гуманизмом, и на основе

это показать, что подлинная альтернатива капитализму лежит не там, где ее видят нынешние «марксисты».

С точки зрения К. Маркса, сущностью человека является практическая деятельность, праксис, который сущностно, в своей подлинной форме представляет собой такую деятельность, при которой человеческое существо опредмечивает свое внутренне содержание (сознание, целеполагание, дух) таким образом, что возникающий предмет оказывается предметом *человечным*. Экзистенциальной стороной подлинного праксиса оказывается то, что человек наслаждается самим процессом производства или присвоения предметности, как, например, и музыкант, и слушатели наслаждаются музыкой, как повар радуется тому, что приготовленные им блюда доставляют удовольствие людям, их вкушающим. Такую форму праксиса Маркс называет *самодетельностью* (*Selbstbetätigung*). Но в условиях исторического развития возникает частная собственность, которая детерминирует ситуацию, когда для большинства населения (*трудящихся*) подлинная форма человеческого праксиса извращается, превращаясь в деятельность *отчужденную*, т.е. в *вынужденный труд* [*die Arbeit*], приносящий страдания. Этот процесс отчуждения, с точки зрения Маркса, приобретает наиболее радикальную и тотальную форму в условиях капитализма.

В условиях частной собственности на средства производства, при которой все необходимые условия производства *не принадлежат* рабочему, *продукт труда* также оказывается не принадлежащим рабочему. Предмет начинает не просто существовать вне рабочего в качестве некоторой предметности, но и начинает *противостоять* рабочему, становится для него *чуждым, враждебным* [*fremd*].

С другой стороны, в предмете отчуждается не только вещьность предмета, не только *природа*, данная в его (продукта) субстанциональности, но и *человеческая субъективность*, вложенная в него в процессе труда. В силу же того, что в предметном мире, с точки зрения Маркса, находит свое воплощение человечность и социальность человека, то вместе с предметом от рабочего отчуждается и его *деятельность*. Феноменологически отчуждение деятельности дано в *отношение человека к процессу своего вынужденного труда*: «если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки – самое жестокое, самое унижительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно!»¹ От такой работы бегут как от чумы (Маркс).

Но это *предметное, социально-экономическое отчуждение* [*Entäußerung*] – только фундамент, на основе которого разворачиваются другие формы отчуждения. Вместе с предметом от рабочего отчуждается и *природа*, являющаяся неорганическим телом человека и материальным субстратом предметного мира, производимого ра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 351.

бочим: «мы рассмотрели... отношение рабочего к *продукту труда*, как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему»².

Предметное и деятельное отчуждение, фундированное в частной собственности, пронизывает все социальные структуры и отношения (а не только структуры экономического порядка), т.к. способы отношения-к-вещам в процессе совместной предметной деятельности репрезентируются в способах отношений *между людьми*, т.е. из структур предметного отчуждения с необходимостью конституируется отчуждение *социальное*, которое высвечивает себя в классовой, внутриклассовой и межличностной вражде. Отношения капиталистической конкуренции пропитывают все тело буржуазного общества: между собой на выживание конкурируют не только капиталисты, не только рабочие, но и школьники в школе, дети во дворе. Социальный мир не только поляризуется в классовом или стратификационном отношении по уровню доходов, – *вражда* постепенно принимает вообще во все *межличностные* отношения. Возникает не просто классово-экономическое отчуждение, но и *межчеловеческое* отчуждение в смысле *bellum omnium contra omnes*: «Свободная промышленность и свободная торговля... порождают всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума»³.

Люди больше не доверяют друг другу, замыкаются в узком кругу «своих» и, тем самым, разрывают ткань *человеческой социальности*. Буржуазный мир *атомизируется* в смысле замнутости-в-себе, в смысле тотального эгоизма. Атомизация социального мира общественных отношений достигает своего пика, с точки зрения Маркса, в *деньгах*. В силу же того, что *человеческое* есть одновременно и *социальное*, данное в *предметной и духовной связи индивидов*, то разрывание этой связи для Маркса всегда означает *бесчеловечность* [*Unmenschlichkeit*]. *Деньги* же в своей всеобщей тотальности, порожденные товарным производством, наиболее полно выражают этот процесс обесчеловечивания и его результат – *взаимную равнодушность*. Мои отношения с другими людьми опосредуются *товарами* и их всеобщим эквивалентом – *деньгами*. Такая анонимность (*das Man*) с необходимостью приводит к равнодушному безразличию, отчуждению (*Entfremdung*), т.е. отношению, означающему межличностную разобщённость, всеобщую оторванность «индивида от себя и от других»⁴.

И, наконец, все эти формы отчуждения завершаются в отчуждении *экзистенциальном*, которое обнаруживает себя в человеческом самоотчуждении, когда челове-

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 564.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 129.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 105.

ческое существо чувствует себя *товаром, мертвой вещью*, когда человек становится *животным*, в своем *унижении, обесценении*⁵, в своей *самоутрате*, т.е. в своей *бесчеловечности*.

В конце концов, отчуждаются даже сами чувства и эмоции: «Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое [*unveräußerlich*], сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым [*veräußert*]. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., – когда все, наконец, стало предметом торговли»⁶.

Такой анализ дал капиталистическому отчуждению Маркс. Но с тех пор капитализм существенно трансформировался, ибо он является динамичным саморасширяющимся обществом. Но, несмотря на все свои, казалось бы, радикальные изменения, которые он претерпел с XVI в., он остается *внутренне единой системой*. Основой этого единства выступает *стремление к получению возрастающей прибыли*⁷ на основе тотального товарно-денежного производства. В силу же того, что капитализм представляет собой исторически меняющуюся тотальность, то и *отчуждение* в этом процессе исторического изменения постоянно порождает самые разнообразные формы. Поэтому нам хотелось бы обратить внимание на некоторые формы отчуждения, возникшие в последнее время в связи с имманентными трансформациями, которые претерпел капитализм в условиях информатизации и глобализации.

Внутренняя движущая сила движения капитала состоит в получении прибавочной стоимости. Но капитал стремится не просто к получению прибыли, а к ее постоянному росту. Поэтому имманентная логика развертывания капитала неумолимо ведет его к своему пространственному расширению. Сначала капитал в лице отдельного капиталиста овладевает одной мастерской средневекового мастера, затем – мастерскими других мастеров в этом районе, далее капитал в лице уже многих капиталистов охватывает одну за другой отрасли хозяйства вплоть до полного овладения экономикой государства. Параллельно с этим процессом образования внутреннего рынка для капиталистического производства происходит развитие капитализма «внешнего»: капитал выходит за национальные границы и постепенно втягивает в

⁵ «В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценение [Entwertung] человеческого мира» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 560).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 73-74.

⁷ «... нельзя не возненавидеть этот класс [буржуазии], который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как его единственное стремление – любой ценой набить свой кошелек» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 395).

свои сети весь мир, даже его не-капиталистические районы. Сначала это обнаруживает себя в борьбе национальных промышленно-финансовых групп, сросшихся с политической элитой, за международные рынки, т.е. в виде простого колониализма; позже это – *империализм* как борьба за раздел и передел мира крупнейшими капиталистическими державами; сегодня – это *глобализация*, разделяющая мир на богатый «Север» и нищий эксплуатируемый «Юг» (С. Амин), на «центр» и «периферию» в рамках единой капиталистической миросистемы (И. Валлерстайн). Глобальный капитализм – это *интелехия* капитала как такового⁸.

Объекты капиталистической эксплуатации постоянно растут: от отдельных работников отдельной мастерской до граждан отдельных государств и населения периферии и полупериферии капиталистической миросистемы. Меняются и эксплуататоры: отдельного хозяина, который работает еще вместе со своими рабочими, сменяет фабрикант и связанный с ним класс капиталистов национального государства; последнего сменяет капиталист-империалист, совокупно эксплуатирующий рабочий класс капиталистических стран; сегодня это уже не только «глобальные» капиталисты транснациональных корпораций (которые, тем не менее, играют ведущую роль в процессе мировой эксплуатации), но и все население стран «золотого миллиарда», прямо или косвенно участвующее в эксплуатации остального населения Земли.

Если в XIX – начале XX вв. еще не стояла экологическая проблема, то сегодня она уже налицо. «Маркс в какой-то степени уже сознавал “проблему экологии”, то есть экологические проблемы при власти капитала и скрытые в них опасности для выживания человечества. Фактически он был первым, кто осмыслил эту проблему. Он заговорил об экологическом загрязнении, и он настойчиво утверждал, что логику капитала, преследующую прибыль, не заботят ни человеческие ценности, ни даже выживание человечества»⁹. Ни древность, ни средневековье не приводили к глобальным кризисам и глобальным проблемам, ибо «*глобальность*» есть результат движения капитала к мировому господству: мировой рынок, а вместе с ним и всемирная история, глобализм, возникают только в эпоху капитализма.

⁸ «Капитал должен следовать своим курсом и логикой развития: он должен был охватить всю планету» (Мессарош И. Вызов нашему времени // Альтернативы. 2000. № 2). Ср.: «Маркс (скорее, Маркс «Экономических рукописей 1857–1859 годов», чем Маркс ликующих пассажей «Капитала») неустанно подчеркивал значение мирового рынка в качестве последнего горизонта капитализма и замечал не только то, что социалистическая революция должна произойти в странах с высоким уровнем производства и наиболее развитой экономикой, а не в странах с зачаточной модернизацией, но и то, что она должна быть мировой» (Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 210).

⁹ Мессарош И. Вызов нашему времени // Альтернативы. 2000. № 2.

На основе социального отчуждения, данного в частной собственности и разделении труда, путем социальной практики формируются различные виды *духовного отчуждения*, названные К. Марксом назвал *товарным фетишизмом*. Его сущность сводится к тому, что отношения между людьми, выраженные в движении денег и товаров, *замещаются* в непосредственном восприятии товарными отношениями: возникают *иллюзии* того, что миром «правят деньги», рынок сам себя регулирует, самое главное в экономике не производство, а монетарная политика и т.д.

Происходит *превращение* всех явлений и отношений в нечто иное, чем они являются сами по себе, *искажение* и *извращение* в сознании людей их реальных жизненных отношений, что, с точки зрения Маркса, также является *отчуждением*. Так, например, экономика все больше и больше начинает приобретать внешние черты «виртуального» феномена, т.к. многие ее параметры сегодня при поверхностном взгляде кажутся тотально зависимыми от биржевых спекуляций и игр на финансовых площадках. Эти явления «виртуализации» экономики, в свою очередь, отражаются в головах интеллектуалов в виде идеи о «смерти экономики», означающей, что «экономика при этом оказывается просто-напросто упраздненной, как эпифеномен, побежденный своим собственным подобием и высшей логикой»¹⁰. Но это всего лишь *иллюзия*, так как спекулятивная «виртуальность» экономики невозможна без того, чем спекулируют, т.е. без производства. Если сидеть дома и смотреть только телевизор, то в голове рано или поздно действительно сформируется иллюзия, согласно которой весь мир – это чистая виртуальность.

В этом феномене мы видим сразу две формы отчуждения/извращения: во-первых, производство действительно отчуждает от себя функцию своего регулирования; во-вторых, это извращенное положение дел отражается в сознании как превращенная форма, но уже не в виде товарного фетишизма, а в виде *виртуального фетишизма*. Но при этом последняя является не менее ложной и иллюзорной, чем первая, как это продемонстрировал Ж. Бодрийяр в своей теории гиперреальности.

Другая форма современного фетишизма, а значит, и отчуждения – *дискурсивный фетишизм*, суть которого кратко можно представить как попытку насаждения атлантического (американо-европейского) дискурса всему остальному миру. При этом *различия*, существующие между культурами, стираются. Европейскому политику или бизнесмену *действительно кажется*, что он несет свободу и демократию арабам, индийцам, чилийцам и перуанцам. Но это – идеологическая видимость, за которой стоит простое (пусть даже большинством переживаемое как бессознательное) желание втянуть другие культуры в капиталистический рынок и превратить их в *потребителей европейских товаров*. Страсть к наживе – эта глубочайшая движущая сила капитализма, – к сожалению, никуда не исчезает, она всего лишь принимает иные

¹⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2000. С. 52.

формы. Современный буржуа из Франции или Бельгии считает европейские ценности «лучшими» в мире, наиболее «гуманными», а значит, и «универсальными», «общечеловеческими». Он видит мир как буржуа, и мир, соответственно, представляется ему миром *буржуазным*. Иное не укладывается в структуры его одномерного дискурса. Но этот буржуа уже не видит за маской «гуманизма» экономических и империалистических детерминаций, которые заставляют его на выборах голосовать за Буша или Саркози, которые «несут демократию и счастье» в другие страны, пусть даже путем войны. Буржуазному же ученому такая ситуация представляется не экономическим империализмом, а всего лишь «столкновением цивилизаций», борьбой дискурсов (христианского и мусульманского, демократического и авторитарно-тоталитарного и т.д.). Насколько надо быть ослепленным идеологией, чтобы не видеть тех экономических и геополитических выгод, которые стоят по ту сторону «экспорта демократии», или считать, что в современном мире («Империи») уже нет места империализму, так как в транснациональной системе капитала центр находится нигде и везде одновременно¹¹!

Если для капиталистического общества XIX – начала XX вв. был характерен только товарный фетишизм, в котором вещи наделялись магическим смыслом, то в современных условиях возникает *потребительский фетишизм*, суть которого состоит в том, что он фетишизирует не субстанциональность товара, не его свойство удовлетворять конкретную потребность, а всеобщую полезность товаров, независимо от их собственно потребительных свойств. Ж. Бодрийяр говорит, что происходит фетишизация не означаемых, а означающих¹²: сегодня пьют не пиво, а «Клинское», сегодня смотрят не кино, а *раскрученные блокбастеры* или *Тарантино*. Знак подменяет субстанцию товара, его действительную полезность: «бренд» костюма или мода оказываются более важными, чем удобство этого костюма для действительной носки. Сегодня у вас спросят не «Как костюмчик сидит?», а «Вам лучше Gucci или Cardin?» Удовольствие доставляет не предмет (что предполагало бы *человечность*), а обладание престижностью марки этого товара. Фетишизируется не товар, а его потребление, из которого выпотрошены все потребительные свойства.

Фетишизм всевозможных предметов потребления и их новинок обнаруживает себя в феномене *шопинга*, для которого важно не то, что покупается, а то, что оно вообще *покупается*. Интерес с полезных свойств товаров переносится на сам процесс покупки. Думается, что в этом проявляется стремление современного индивида *властвовать над вещами* посредством обладания ними, – так реальное бессилие над миром отчужденной предметности замещается иллюзией «владения».

¹¹ Hardt M., Negri A. Empire. – Cambridge: Harvard University Press, 2000.

¹² Baudrillard J. Pour une critique de l'économie politique du signe. – Paris: Gallimard, 1972.

Шопинг, как форма массового отчуждения, был невозможен во времена Маркса, ибо его появление требует достаточно высокого уровня материального благосостояния, который только и порождает *общество тотального потребления*. Только условия жизни «золотого миллиарда» превращают потребление в труд «по расширенному воспроизводству потребительной стоимости как абстракции, как системы, как универсального кода полезности, точно так же как производство является в своей действительной телеологии не производством “конкретных” благ, а расширенным воспроизводством всей системы меновой стоимости»¹³. В обществах периферии шопинга нет. Для нищеты еда существует не в виде «знака» или «симулякра», а в виде конкретной потребительной стоимости – хлеба, которым можно удовлетворить не «символический обмен», а конкретную жизненную потребность – голод.

Тотальность товарно-денежного оборота интериоризируется и в сознании индивидов буржуазного общества: мир предметов и мир человеческих отношений начинает рассматриваться сквозь призму меновых стоимостей, т.е. чисто в поверхностно количественном масштабе купли-продажи. Утилитарное отношение к человеку, детерминированное условиями *тотального* товарно-денежного механизма, проявляются даже в *повседневном дискурсе*: «дух торгашества [*Schachergeist*] пропитал весь язык, все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях. Спрос и предложение, supply and demand, – такова формула, в которую логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь»¹⁴. Законы рынка становятся привычными для всех, следовательно, возникает иллюзорное представление о том, что «законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога»¹⁵. Слова и поверхностная видимость вещей становятся слитными, означающее и означаемое отныне нераздельны в их идентификационной «самоочевидности», а потому в таком сознании «не может быть никакого “истинного содержания”, требующего своего “обнаружения” путем “декодирования”, открывающего “неочевидные смыслы”. В языке доминирующего культурного кода нет слов для критики статус-кво. Человек может испытывать смутное недовольство социальным устройством, системой власти, но не сможет адекватно его выразить на рациональном уровне в связи с отсутствием критических языковых средств»¹⁶.

Различные формы общественного сознания и праксиса лишаются своих существенных атрибутов и функций, втягиваясь в структуры движения капитала. Так, религия

¹³ Фурс В.Н. Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра, § 2.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 497–498.

¹⁵ Burke E. Thoughts and Details on Scarcity. L., 1800. P. 32.

¹⁶ Мартыанов В.С. Трансформация языка социально-политических наук: от знания-власти к нарративу // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 7. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 202.

– это сердце бессердечного мира, по словам Маркса, превращается в простой бизнес вроде освящения новых автомобилей или киосков, торгующих чипсами и пивом. Вера в Бога, этот один из самых интимнейших феноменов нашей душевной жизни – выносится на витрины всеобщего обозрения и предается проституированию на улицах. Искусство также становится *иным*, т.к. не выражает в художественной форме человеческое отношение к миру, а превращается в простое буржуазное *зарабатывание денег*, т.е. в обычное капиталистическое производство наряду с другими видами производства (колбасы, гвоздей, цемента, образовательных услуг). Лучшим сегодня считается не тот фильм, который является лучшим в художественном отношении, а тот, который является наиболее «кассовым».

Образование, идеальная *[ideale]* цель которого состоит в формировании всесторонне развитой личности, сегодня превращается в инструмент корпораций по поставке им *узких специалистов*, т.е. профессионально подготовленных работников. «Люди – только рабочая сила, которую нужно принудить к определенной деятельности, блокируя всякую возможность иной (то есть формируя то, что Маркс называет “профессиональным идиотизмом”, а в XX веке Г. Маркузе вежливо определил как “одномерность человека”»¹⁷. Против этой идеальной цели образования (всесторонне развитого человека, обладающего всеми добродетелями), сформулированной классической древностью и Просвещением, сегодня выступают все «постмодернисты», так как считают дискурс Просвещения («модерновый проект») преодоленным в постсовременности. Но *объективно* все эти рассуждения об ущербности Просвещения оказываются сознательной или бессознательной интеллектуальной апологией одномерного мышления и одномерного мира. Что на руку буржуазным политикам, которым нужна управляемая демократия над одномерным «множеством» *[Multitude]*, которое формируется и транслируется современной репрессивной системой образования. Массовые средства информации только успешно «накладываются» на уже подготовленную школой почву: сегодняшнему школьнику с экранов телевизоров пример подают не Н. Дроздов или Незнайка, который хочет все знать, а семейство Букиных, в котором уровень развития родителей ничем не отличается от уровня развития детей.

И, наконец, все эти формы отчуждения завершаются в отчуждении *экзистенциальном*, которое обнаруживает себя в человеческом самоотчуждении, когда человеческое существо чувствует себя *товаром*, *мертвой вещью*, когда человек становится *животным*, в своем *унижении*, *обесценении*, в своей *самоутрате*, т.е. в своей *бесчеловечности*. Правда, в XIX в. капиталисты обладали *видимостью* человечности своего существования, а сегодня такой видимостью обладает «золотой миллиард». Но видимость дает себя знать в том, что за *внешним* благополучием и богатством

¹⁷ Баллаев А.Б. Читая Маркса. М., 2004. С. 241.

вом скрывается *внутреннее, экзистенциальное* одиночество, тоска, духовная опустошенность и усталость. Именно их пытаются «развезать» шопингом, фитнесом, вечеринками, проститутками, рулеткой, казино, личным психоаналитиком, групповым сексом или экстремальным спортом.

Безличное функционирование товарно-денежного механизма, выбрасывающего качественные характеристики предметов, в сфере душевной жизни ведет к деградации интимного мира собственной подлинности [*Eigenwelt*] и мира межличностного со-бытия с другими [*Mitwelt*] и конституированию чистого бытия в соответствии с биологически заданными формами человеческого поведения [*Umwelt*]: удовлетворение физиологических потребностей становится единственной смыслообразующей деятельностью в жизни. Такова внешняя рациональность отчужденного бытия. Но даже в условиях тотальной неподлинности человеческое существо *переживает* свою неаутентичность в виде одиночества, тревоги и деперсонализации.

Социальные условия отчужденного бытия детерминируют и особые душевные переживания, выражающиеся в различных психических заболеваниях. Интересно, что именно в буржуазном обществе появился интерес к душевным болезням. Более того, согласно многим авторам, имеется сущностная взаимосвязь между структурами общественного праксиса и этиологией психических патологий.

Мы видим, как шаг за шагом, имманентная логика саморазвертывания частной собственности идет от экономического отсвоения продукта труда в движении капитала к социальному отчуждению, а от последнего – к отчуждению духовному и экзистенциальному, в котором феномен *Entfremdung* достигает тотальной завершенности.

Этот краткий поверхностный анализ различных форм отчуждения показывает, по крайней мере, следующие моменты.

Во-первых, видно, что современное отчуждение радикально отличается от той его формы, которое описывал Маркс и другие социалисты в XIX в. Отчуждение радикализилось и стало глобальным, втянув в себя индивидов не только собственно капиталистического мира, но и всю планету. Произошла тотальная диверсификация и экстраполяция капиталистического способа производства. Отчуждение приобрело планетарные масштабы, например, в виде глобальных проблем. Это означает, что те методы борьбы с отчуждением, которые предлагались в XIX–начале XX вв., сегодня оказываются совершенно недостаточными, а в некоторых случаях даже реакционными. Уничтожить экзистенциальную самоутрату путем экспроприации экспроприаторов или насильственной революции сегодня уже, к сожалению, невозможно.

Во-вторых, отчужденные структуры бытия репрезентировались и осели в общественном и индивидуальном сознании в качестве их имманентных структур. Но мы знаем, что «сознание запаздывает», отстает от бытия: изменение *только* бытийных структур современного мира капитала не приведет к непосредственному и немед-

ленному искоренению отчужденных и репрессивных структур из человеческой психики. Такое вообще было в массовом порядке невозможно и раньше, но сегодняшняя атомизация множества (А. Негри, М. Хардт¹⁸), в отличие от сплоченных, спаянных групп (В.И. Ленин, Ж.-П. Сартр) прошлого, делает такую невозможность тотальной.

В-третьих, борьба с отчуждением сегодня может носить только комплексный характер, в котором охватываются все виды этого феномена в их сущности. Это означает, что подобно тому, как отчуждение разворачивается из своего фундамента в различные формы, точно также и должны разворачиваться и различные способы преодоления отчуждения. Здесь мы можем только в самых общих чертах указать на эти пути.

Несомненно, что основой *всякого* отчуждения является отчуждение *экономическое*. Все остальные разворачиваются из него. Поэтому и основа уничтожения отчуждения может быть только уничтожением его фундамента – частной собственности на средства производства. Как показала практика построения «социалистических» обществ, тотальная национализация (огосударствление) не является тем, что Маркс называл «положительным упразднением частной собственности»¹⁹. Напротив, подобные практики, как правило, приводили к появлению других форм отчуждения в лице бюрократического или партийного аппарата, отчуждения всех работников от средств производства, от управления производственным процессом и т.д. Экономические механизмы упразднения частной собственности должны преследовать одну единственную цель: продукт труда должен не противостоять человеку, а, выражая его субъективность, служить ему.

Второе важнейшее условие состоит в том, чтобы человеческая деятельность приносила индивиду *удовольствие*. Необходимо создать условия, позволяющие соединить труд и наслаждение, ибо только такая ситуация может быть названа подлинно человеческой, что, с точки зрения К. Маркса, представляет собой путь к *уничтожению труда* [*Aufhebung der Arbeit*]. В силу же того, что *труд* как *работу* уничтожить невозможно, то задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, посредством радикальной автоматизации сократить рабочее время каждого индивида, а с другой – посредством гуманистической организации труда сделать проведение этого *необходимого* рабочего времени как можно творчески и человечески насыщеннее. Это предполагает не только уничтожение частной собственности в ее буржуазном смысле, но и радикальную реорганизацию всех производственных отношений как в «экономике» в целом, так и на *каждом конкретном* предприятии.

¹⁸ Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin, 2004.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 588. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 773.

В современном капиталистическом производстве имманентно назрела необходимость подобных реформ, и они частично реализуются во многих современных буржуазных практиках менеджмента и мотивации, которые, пытаются реализовать эти идеи, не выходя за рамки капиталистического порядка, ибо они создают своеобразный *иллюзорный мир* [Frieden] между хозяевами и работниками, основанный на представлении сугубо личных целей капиталиста (получение прибыли) в качестве целей всей организации, всех её работников, и даже всего общества в целом. Да, работника материально удовлетворяют посредством повышения заработной платы, но рано или поздно чувство удовлетворения, основанное на скрытом антагонизме, выходит наружу и выступает в форме апатии, тревоги, немотивированной агрессии, стресса, невротических состояний.

Гуманизация производственных отношений детерминирует необходимость гуманизации всех иных социальных отношений, и в первую очередь повседневного быта индивидов. Именно изменения в структурах повседневности (на работе и в быту) должны непосредственно конституировать человечность «на местах», даже в рамках еще господствующей бесчеловечности.

Механическая рациональность, господствующая в духовной жизни буржуазного общества, выявленная теоретиками Франкфуртской школы и экзистенциалистами, для своего преодоления предполагает переориентацию человека на сугубо личностное мировосприятие и адекватный ему образ жизни. Согласно К. Ясперсу, преодоление отчуждения состоит в развитии коммуникации, в интимном общении, в воспитании в себе способности к «дискуссии». Отсюда – необходимость экзистенциальной психотерапии и гуманистически ориентированной массовой социальной работы. Но при этом должно быть четкое осознание радикальной ограниченности этой работы, если она реализуется вне комплексной связи с экономическими преобразованиями социального праксиса. Именно так это происходит сегодня: психоаналитик и психотерапевт лечат индивида, который затем вынужден вернуться в общество, которое сделало его *больным*²⁰. В результате такого лечения индивид встраивается в репрессивные структуры status quo и его болезнь становится «нормой», превращая его мучительную истерию в «ежедневное счастье». В силу этого индивидуальная терапия должна идти рука об руку с терапией социальной: лечение индивида должно сопровождаться лечением общества.

Преодоление духовного отчуждения предполагает радикальное преобразование всей системы дошкольного, школьного и высшего образования, через которое сегодня транслируется дискурс господствующего класса и, соответственно, его нормы

²⁰ Уже Фрейд осознавал это противоречие между «критической» теорией и «апологетической» терапией психоанализа. См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. С. 257.

интериоризируются молодым поколением, сознание которого преформируется и становится одномерным. Как показал А. Грамши, именно через систему образования господствующий класс обеспечивает свою культурную гегемонию²¹.

Далее. Борьба с отчуждением требует радикальных преобразований в системе СМИ, роль которых в формировании общественного сознания постоянно возрастает: через масс-медиа буржуазная идеология «впитывается» (*absorbing*) массовым сознанием не-буржуазных классов и становится их «собственной» идеологией²². Именно в этом отношении можно говорить об обратном влиянии элементов надстройки на бытийные структуры присутствия людей, – идеология (в широком смысле) действительно становится *материальной силой* (В. Райх).

Само собой разумеется, эти революционные преобразования в структурах социального праксиса с неизбежностью повлекут за собой изменения в политической системе общества. Отчуждение в политике дано, прежде всего, в наличии бюрократического аппарата, оторванного от непосредственного бытия людей. Перенос же *жизни* в структуры повседневности и на места должен означать, что функции государства действительно постепенно будут «отмирать», а взаимоотношения между ассоциированными индивидами и социальными институтами станут *прозрачными*. Все это предполагает сочетание непосредственной и представительной демократии на местах, т.к. жизнь протекает в непосредственности человеческого присутствия, а не в обезличенных структурах государства. «Государство» же – это только инструмент для реализации общественно необходимого праксиса.

В силу того, что капитализм трансцендировал себя в планетарный феномен, то преодоление отчуждения сегодня *немыслимо* вне международной практики освободительной борьбы против новых форм господства капитала. Глобализация – это естественноисторический процесс, объективная логика мировой истории, но его *содержание* зависит от нашей воли: пойдет ли он в русле американского империализма, стремящегося к насаждению системы нового колониализма, а значит, эксплуатации и отчуждения, или – по альтернативному пути преодоления отчуждения. То же самое относится и к совместным усилиям по преодолению глобальных проблем. И отчуждение, и глобальные проблемы сегодня не могут быть сняты «внутри» отдельно взятой страны, – это задача не США и даже не «объединенной Европы», а всего человечества.

Уничтожение частной собственности, отчуждения и возвращение к свободной деятельности (в отличие от вынужденного труда) приводит к освобождению всего

²¹ См.: Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М., 1991.

²² Hall S. The rediscovery of «ideology»: return of the repressed in media studies. London: Methuen, 1982; Berger A. Media Analysis Techniques. (Chapter 2 «Marxist Analysis»). Newbury Park, CA: Sage, 1982.

человеческого существа как родового, общественного существа. И это освобождение, согласно Марксу, формирует условия для *всестороннего развития человеческой личности*. «Подобно тому как благодаря движению *частной собственности*, ее богатства и нищеты — материального и духовного богатства и материальной и духовной нищеты — возникающее общество находит перед собой весь материал для этого *образовательного процесса*, так возникшее общество производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим богатством его существа, производит *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека*»²³.

И ещё один важный момент в деле преодоления отчуждения во всех его формах. Речь идёт о том, что имеются формы имманентного поддержания наличного существования человеческого общества, культуры в целом, несмотря на все внутренние конфликты, на которых базируется бытие антагонистических формаций. Внутри последних эти имманентные формы скрыты, но, тем не менее, они имеют место быть, — иначе социальная структура бы прекратила своё существование. Поясним о чём идёт речь.

Воспроизводство — центральный момент культуры, предполагающий постоянство, традицию и т.д. Именно этот момент воспроизводства наличного бытия сущности предполагает, что в социальной структуре присутствует «простая человечность», т.е. то, что иногда называют *практическим гуманизмом*. Существо этого гуманизма (в отличие от различных *теоретических* форм) состоит в том, что он представляет собой совокупность таких социальных норм и ценностей, которые как раз-то и позволяют даже внутренне антагонистической структуре достаточно стабильно существовать.

Такой пласт любой культуры можно назвать *социальным гуманизмом*. Теоретические формы гуманизма (античные $\pi\rho\epsilon\tau\acute{\eta}$ и *virtus*, средневековый идеал монашеской человечности, возрожденческий *humanitas*, советско-коммунистический проект, нацистская идея сверхчеловека, буржуазно-либеральный гуманизм свободного рынка и демократии) всегда, хотя и в латентной форме, включают в себя с необходимостью момент интолерантности, а именно: уничтожение *Иного* и тотальное утверждение своего идеала в планетарном масштабе. Именно этот имманентный момент агрессивной интолерантности как раз-то и не дал возможности всем этим теоретическим видам гуманизма утвердиться в мире практическим образом, ибо они у Иного, Другого с необходимостью вызывают отторжение, рвотный рефлекс.

Всякий теоретический гуманизм представляет собой амбивалентную структуру: с одной стороны, для-себя он действительно гуманизм, так как утверждает ценность своего способа бытия культуры, а значит, и тех форм деятельности, в которых эта

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 594.

культура формируется и перманентно воспроизводится; с другой стороны, он оказывается антигуманизмом для-других, ибо априорно предполагает не-гуманность Иного, а значит, необходимость его уничтожения путём перехода, транзита к Своей человечности. В этом случае мы имеем то, что греки именуют *монологом*.

Движение к всеобщей человечности (будь то христианская человечность средневековья, бесклассовый гуманизм большевизма или сверхчеловеческая гуманность арийской расы) может осуществляться только посредством тотального включения каждого индивида в структуру этого *одномерного* общества. Всеобщность человечности полагается здесь за счёт уничтожения *иных* форм человечности, которые противоречат дискурсу и практикам господствующей формы гуманизма.

Так, античные греки и римляне противопоставляли свою *humanitas* варварству, и поэтому экстраполяция их гуманизма на другие народы выражалась в форме эллинизации этих народов, т.е. уничтожения специфических культур этих этносов. Средневековые христиане во многих отношениях реализовывали свое представление о христианской человечности посредством крестовых походов. Большевики мечтали о мировой революции. Нацистский миф о крови и почве, о народе и подлинном человеке обнаружил себя в печах Освенцима.

Американизм – одна из наиболее агрессивных, интолерантных и одномерных форм тоталитарного гуманизма для-себя и антигуманизма для-других. Именно в силу этой одномерности современное представление о христианских и западных ценностях как об «общечеловеческих» означает то, что все иные ценностные парадигмы (буддистская, мусульманская и т.д.) упраздняются в качестве ненужных, а то и вовсе античеловечных, антигуманных. Так, для того, чтобы жить в Европе, надо признавать только ценности демократии, но при этом сами европейцы (и американцы) никоим образом не признают *иные формы* ценностей. Аксиологический европоцентризм есть не просто «философия», – он ведёт к бомбардировкам в Ираке и Югославии. Именно его экспансия привела, например, к возникновению исламского радикализма.

Отказ от всех этих форм тоталитарного и одномерного (классового, религиозного, этнического, идеологического, аксиологического, культурного) гуманизма/антигуманизма ведёт нас к поиску радикально новых альтернатив, особенно в отношении нынешней формы глобализационного процесса, если, конечно, такие альтернативы онтологически *возможны*.

Альтернатива эта – *социальный, практический гуманизм*, который позволяет сделать бытие всех людей в мире гуманным, человеческим, при этом не нарушая и не подавляя специфические черты других культур, ибо такой гуманизм *a priori* оказывается *общечеловеческим*.

Поясним последний момент. Например, является ли *христианский* идеал человека *общечеловеческим*? Это очень легко проверить, проделав следующий мыслительный эксперимент. Представим себе, что *все люди* на Земле стали *христиански-*

ми святыми, т.е. отреклись от мира сего, переселились в скиты и пустыни, забросили производство, перестали размножаться, объявили тотальный обет молчания и т.д. Естественно, *всякое*, в том числе и духовное²⁴, воспроизводство просто-напросто прекращается, а вместе с ним прекращается и наличное бытие всего человечества. Практическое воплощение христианского идеала означает *смерть человечества*.

То же самое относится и к американизму (или как предпочитает выражаться С. Амин, атлантизму²⁵), который предполагает сугубо капиталистическое разделение мира на «золотой миллиард» (собственно, «капиталисты», «эксплуататоры») и остальную мировую периферию («пролетариат»), т.е. он пытается сегодня перенести внутреннюю структуру национального буржуазного государства на мировое целое, т.е., как сказал Ж. Бодрийяр, капитализм «представил весь мир во всем его многообразии по своему образу и подобию»²⁶.

Является ли подобное разделение общечеловеческим идеалом гуманности, человечности? Нет, ибо собственно *человеческая жизнь* (вернее даже её видимость) предполагается для весьма и весьма ограниченного количества представителей вида *Homo Sapiens*, в то время как остальным уготована судьба рабочего скота, быдла. В силу этого любой одномерный (и тем самым тоталитарный) гуманизм не может быть *общечеловеческим*.

Итак, мы видим, что при сохранении общей логики развертывания отчуждения, в современных условиях глобализационного капитализма отчуждение приобретает все более причудливые и тотальные формы. В силу этого методы упразднения данного социального феномена, предложенные в XIX веке (насильственная революция и экспроприация экспроприаторов), сегодня оказываются радикально недостаточными. Более того, следует признать, что политическая революция, с которой многие до сих пор связывают свои надежды на альтернативный глобальный проект, является всего лишь завершающим этапом более фундаментальной социальной революции, которая незаметно для глаз протекает в рутинных структурах повседневной жизни. Поэтому следует обратить внимание именно на преобразование этих структур, делая их менее отчужденными. И, как показывает проделанное разыскание, *логика освобождения* от отчуждения должна повторять имманентную логику развертывания самого отчуждения. Только так действительность отчуждения, иногда выступающая в форме

²⁴ К сожалению, в нашей стране сегодня путают между собой почти такие непересекающиеся понятия, как «духовность» и «религия» (особенно православная).

²⁵ Амин С. Постимпериалистическая Империя или новая экспансия империализма? // <http://left.ru/2006/5/amin139.shtml> (Monthly Review, Volume 57, Number 6, November 2005).

²⁶ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 18.

видимости человечности, превратится в действительность человечности, в вечную действительность.

Что же такое *человечность*? В философии Карла Маркса ее мы можем определить как такую ситуацию, в которой люди способны свободно (объективно и субъективно) реализовывать свои замыслы в практической деятельности и при этом получать *удовольствие* от самого акта этой практической самореализации себя в мире, наслаждаясь предметностью *субъективно* при ее непосредственном утверждении, и *объективно* – когда наслаждаются другие. Только создание условий, при которых люди будут свободно наслаждаться своей собственной деятельностью, и даст «гуманизм». Все остальное – только лишь лицемерные разговоры о «человеке», скрывающие радикально бесчеловечную действительность.

Более того, создание условий для реализации *Selbstbetätigung* – это и есть *социальный, практический гуманизм*. При своем осуществлении он совершенно не затрагивает национальные культурные специфики, кроме постепенной элиминации различных форм бесчеловечности, ибо получать радость от своей деятельности одинаково приятно и российскому кузнецу, и вьетнамскому крестьянину, выращивающему рис. Дело в том, что *содержание и механизмы социального (практического) гуманизма, являясь имманентными структурами любого общества, выступают в качестве действительных универсалий здоровой общечеловеческой культуры, ибо они в своей функциональности суть механизмы поддержания социального бытия и порядка*.

Таким образом, только поняв что значит «человечность», протестный праксис может представить действительные контуры альтернативного миропорядка. А для этого понимания надо сосредоточиться не только на критике различных форм отчуждения, но и на разработке *позитивного* проекта общества нового типа, в котором отчуждение будет уничтожено.